

С синим платочком в душе

Клавдия Шульженко нашла свою песню

Каменный барельеф — силуэт певицы: вскинутая рука, а в ней до голубизны выбеленный солнцем и дождями ситцевый треугольник. Ну, конечно! Синий платочек! Незолото замирающая, улавливая его среди мотальных обелисков. Такое же потрясение я испытала когда-то, увидев на

могильной плите горбушку черного хлеба рядом с надписью: «Здесь похоронены героические блокадники-ленинградцы». Синий платочек: могила Клавдии Ивановны Шульженко. Трещущий на ветру лоскуток ситца — высшее выражение любви и памяти народной.

Клавдия Шульженко была подлинно народной артисткой — с ее «подачи» обрели популярность и поистине всероссийское хождение десятки песен, без которых мы сегодня просто не мыслим свою жизнь. «Синий платочек» был одной из «главных» «фронтových песен», с ними оказались связаны годы самых больших испытаний, годы тревог и надежд. Неприятная лирическая песенка, голубая «вальсочка», завезенный в Советский Союз польским «Голубым джазом», стал благодаря Клавдии Шульженко символом всенародной борьбы и залогом победы, прозвучав как обет непременно выстоять, отстоять чистую и честную совет-

скую жизнь, которой жили миллионы обыкновенных, хороших людей. Клавдия Ивановна с душой волевым пела и довоенный «Синий платочек», но после одного из концертов на Волховском фронте она обратилась к военному корреспонденту Михаилу Максимову, прослушав о том, что он написал к «Синему платочку» новые слова. Помню, как однажды, кажется, в двадцатую годовщину Победы, главный редактор «Недели» Александр Львович Плющев рассказывал нам, начинающим журналистам, как он в первом номере всенародной борьбы и залогом победы, прозвучав как обет непременно выстоять, отстоять чистую и честную совет-

Фото РЕЙТЕР.

Клавдия Шульженко была подлинно народной артисткой — с ее «подачи» обрели популярность и поистине всероссийское хождение десятки песен, без которых мы сегодня просто не мыслим свою жизнь. «Синий платочек» был одной из «главных» «фронтových песен», с ними оказались связаны годы самых больших испытаний, годы тревог и надежд. Неприятная лирическая песенка, голубая «вальсочка», завезенный в Советский Союз польским «Голубым джазом», стал благодаря Клавдии Шульженко символом всенародной борьбы и залогом победы, прозвучав как обет непременно выстоять, отстоять чистую и честную совет-

скую жизнь, которой жили миллионы обыкновенных, хороших людей. Клавдия Ивановна с душой волевым пела и довоенный «Синий платочек», но после одного из концертов на Волховском фронте она обратилась к военному корреспонденту Михаилу Максимову, прослушав о том, что он написал к «Синему платочку» новые слова. Помню, как однажды, кажется, в двадцатую годовщину Победы, главный редактор «Недели» Александр Львович Плющев рассказывал нам, начинающим журналистам, как он в первом номере всенародной борьбы и залогом победы, прозвучав как обет непременно выстоять, отстоять чистую и честную совет-

скую жизнь, которой жили миллионы обыкновенных, хороших людей. Клавдия Ивановна с душой волевым пела и довоенный «Синий платочек», но после одного из концертов на Волховском фронте она обратилась к военному корреспонденту Михаилу Максимову, прослушав о том, что он написал к «Синему платочку» новые слова. Помню, как однажды, кажется, в двадцатую годовщину Победы, главный редактор «Недели» Александр Львович Плющев рассказывал нам, начинающим журналистам, как он в первом номере всенародной борьбы и залогом победы, прозвучав как обет непременно выстоять, отстоять чистую и честную совет-

Каменный барельеф — силуэт певицы: вскинутая рука, а в ней до голубизны выбеленный солнцем и дождями ситцевый треугольник. Ну, конечно! Синий платочек! Незолото замирающая, улавливая его среди мотальных обелисков. Такое же потрясение я испытала когда-то, увидев на

Каменный барельеф — силуэт певицы: вскинутая рука, а в ней до голубизны выбеленный солнцем и дождями ситцевый треугольник. Ну, конечно! Синий платочек! Незолото замирающая, улавливая его среди мотальных обелисков. Такое же потрясение я испытала когда-то, увидев на

Каменный барельеф — силуэт певицы: вскинутая рука, а в ней до голубизны выбеленный солнцем и дождями ситцевый треугольник. Ну, конечно! Синий платочек! Незолото замирающая, улавливая его среди мотальных обелисков. Такое же потрясение я испытала когда-то, увидев на

Каменный барельеф — силуэт певицы: вскинутая рука, а в ней до голубизны выбеленный солнцем и дождями ситцевый треугольник. Ну, конечно! Синий платочек! Незолото замирающая, улавливая его среди мотальных обелисков. Такое же потрясение я испытала когда-то, увидев на

Каменный барельеф — силуэт певицы: вскинутая рука, а в ней до голубизны выбеленный солнцем и дождями ситцевый треугольник. Ну, конечно! Синий платочек! Незолото замирающая, улавливая его среди мотальных обелисков. Такое же потрясение я испытала когда-то, увидев на

Ивановна в одном из интервью. — Мне хотелось, чтобы это была песня лирическая, непосредственно выражающая чувства героев. Я мечтала, чтобы эти герои происходили не из цыганского табора, но из калужских в Лету аристократических салонов, а были близки и понятны мне — такими же, как те люди, которых я встречала на улицах, видела в зрительном зале нашего театра, с которыми постоянно сталкивалась в жизни. Я мечтала также о песне, которую можно было бы играть, в которой был бы сюжет, развивалось действие, были бы человеческие характеры. Песню, отвечающую этим требованиям, я не просто ждала, но и искала. Можно добавить и безошибочно находила.

С первых же выступлений в 1928 году Клавдия Шульженко заявила о себе как о лирической певице, но лирика ее была не только интимной — она звучала граждански, и тут у Шульженко не было равных на эстраде. Разумеется, был Леонид Утесов, был Марк Бернес, но Шульженко сумела так соединить лирическое и гражданское, что лирическое стало патристическим (тогда же «Синий платочек»), а гражданское — сердечным («Где же вы теперь, друзья-однополчане?»). С годами Шульженко привнесла в песню свое собственное философское осмысление жизни — и тогда все, от мала до велика, записали «Старый парк», «Три вальса», «Сколько вам лет?» — песни о великом чуде, которое называется жизнь, — о быстротечности и непреходящей радости бытия.

Да, жизнь быстротечна! Давно ли, кажется, вместе со счастливыми, поплавшими в Колоний зал Дома союзов, мы, сидя у телевизора, отмечали 75-летие Клавдии Ивановны, этой ее «очередной молодой юбилей». Помню, какими ожившими встречала была тогда песня «Сколько вам лет?»! И вот — синий платочек на мартовском ветру. Но песни не умирают. Они — как тот венский вальс, о котором она пропела, — смеются «над всеми модами века». В них живет и шумит страна, откуда мы родом, страна, от которой мы никогда не откажемся и которую мы обязательно восстановим.

Лариса ЯГУНKOVA.

По мартовскому снегу

Фото РЕЙТЕР.

Читайте балансы, как детективы

На здании экономического факультета Тимирязевской сельскохозяйственной академии висят теперь две таблички с именами Чапнова и Кондратьева. Официальное открытие мемориальных досок состоялось недавно. Как положено в таких случаях, на церемонии собрались руководители академии, преподаватели, студенты. Много было сказано правильных, хороших слов о современном аграрной науке, о позабытых всеми крестьянах, о выдающихся ученых, репрессированных в 30-е годы. Сейчас их имена, идеи, труды возвращаются к нам.

Имена возвращаются

Да, вообще не стоит претендовать на формулирование современной политики в области сельского хозяйства. Если имя Чапнова еще более или менее известно, то Кондратьева знают только специалисты. А между тем он был очень видной фигурой в аграрной науке того периода. Именно наша страна в первой половине XX века, и особенно в 20-е годы, лидировала в области теоретических сельскохозяйственных исследований. Сейчас — другое время. Репрессированные ученые реабилитированы, в Москве даже есть улица Чапнова, но мало кто берет на себя труд поинтересоваться: а что же он такое выдающийся сказал о крестьянах. Мы стали удивительно небопытными.

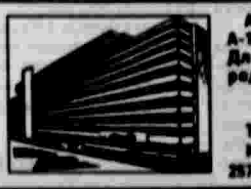
Выборной борьбе редко заглядывают в работы Чапнова. А стоило бы. Без знания того, что писал о деревне крупнейший аграрный ученый XX века, вообще не стоит претендовать на формулирование современной политики в области сельского хозяйства. Если имя Чапнова еще более или менее известно, то Кондратьева знают только специалисты. А между тем он был очень видной фигурой в аграрной науке того периода. Именно наша страна в первой половине XX века, и особенно в 20-е годы, лидировала в области теоретических сельскохозяйственных исследований. Сейчас — другое время. Репрессированные ученые реабилитированы, в Москве даже есть улица Чапнова, но мало кто берет на себя труд поинтересоваться: а что же он такое выдающийся сказал о крестьянах. Мы стали удивительно небопытными.

Выступая на церемонии открытия, сын великого ученого Василий Александрович Чапнов пожелал студентам академии «читать квартальные балансы предприятий, как захватывающие детективы». Очень дальние слова.

Ольга ВЕЛЬДИНА.

Учредитель — журналистская организация «Правды»

Главный редактор А. А. ИЛЬИН

Адрес редакции: Для писем — 125067, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24, редакция газеты «Правда».

Аккумуляторные батареи отечественного и зарубежного производства оптом и в розницу